

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ТАРИФНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМПОРТА В РОССИИ

В настоящей работе планируется с позиций современной западной теории международных экономических отношений проанализировать возможные последствия для российской экономики использования тарифного регулирования импорта как одной из возможных стратегий защиты национального производства.

Тарифное регулирование импорта является одним из важных инструментов макроэкономической политики государства и часто рассматривается как мощный рычаг стимулирования экономического роста, особенно в условиях низкой конъюнктуры. Тяжелая экономическая ситуация, в которой находится Россия, вызвала в промышленных и научных кругах широкие дискуссии о целесообразности применения этого инструмента для скорейшего преодоления кризисных тенденций. Высказываются аргументы в пользу необходимости политики "разумного государственного протекционизма", нахождения "золотой середины" между либерализацией и протекционизмом, защиты внутреннего рынка и отечественных производителей, в том числе для обеспечения структурной перестройки экономики и стимулирования развития отдельных отраслей. Вместе с тем указывается и на недостатки политики тарифного протекционизма: консервация неэффективных производств, ограничение конкуренции и поощрение монополизма на внутреннем рынке, ее неадекватность с точки зрения решения проблем, стоящих перед российской экономикой. До настоящего времени обсуждение вопроса о влиянии тарифного регулирования импорта в

научной литературе велось главным образом на описательном уровне или с позиций ситуационного анализа (применительно к конкретным отраслям производства, регионам и т.п.). В связи с этим представляется актуальной попытка комплексного анализа данной стратегии с использованием достижений современной экономической теории.

Возможность такого анализа обусловлена тем, что многие предпосылки соответствующих теоретических моделей (к числу этих предпосылок относятся, в частности, наличие международного движения капиталов, гибкий валютный курс, сложившаяся структура экспортно-импортных потоков) могут быть применимы к описанию российской экономики на данном этапе ее развития.

Исходя из существующих в теоретической литературе подходов, внимание будет обращено на два направления использования тарифного регулирования импорта: введение единого тарифа с целью защиты всех импортозамещающих отраслей национальной экономики, и введение тарифа на импорт капиталоемкой продукции с целью стимулирования промышленного развития страны. Хотя эти вопросы тесно взаимосвязаны друг с другом, их целесообразно рассмотреть отдельно, поскольку как цели подобных мероприятий государственной политики, так и методы анализа их влияния существенно отличаются. В соответствии с этим работа строится на последовательном рассмотрении причинно-следственных схем, лежащих в основе теоретических моделей анализа каждой из специфических проблем исследования, и сравнении их с реалиями российской экономики. Цель данной процедуры состоит в том, чтобы определить, в какой мере эти модели применимы для изучения влияния тарифного протекционизма на экономику России и какие выводы из них следуют. Затем результаты будут синтезированы для комплексной оценки перспектив данной политики с учетом всех теоретических моделей, использованных в исследовании.

1. Теоретические подходы к анализу влияния единообразного тарифа

Изучение стратегии использования единообразного тарифа является одним из наиболее распространенных подходов к анализу последствий протекционистской политики. Основная причина популярности такого подхода заключается в его соответствии структуре традиционных моделей международной торговли, в рамках которых рассматриваются лишь два товара - импортируемый и экспортируемый (или импортируемый и "внутренний", не являющийся объектом международной торговли) и два фактора производства (как правило, труд и капитал). Однако не следует считать, что случай единообразного тарифа не представляет интереса с практической точки зрения. У правительства может быть два мотива прибегать к равномерной защите всех импортозамещающих отраслей национальной промышленности (см. Corden, 1971, p. 181-182). Во-первых, оно может исходить из того, что связанные с приобретением импортных товаров издержки частных лиц оказываются меньшими, чем социальные издержки. С учетом падения производства, которое переживает Россия, этот мотив может быть достаточно актуален. В самом деле, цена, которую платит потребитель за импортные блага, не учитывает те издержки, которые общество вынуждено нести из-за падения отечественного производства, вызванного конкуренцией со стороны импорта. Эти издержки могут носить многообразный характер - от денежных сумм, которые правительство вынуждено выплачивать безработным, до материальных и моральных потерь, связанных с падением экономического потенциала. В условиях, когда практически все импортозамещающие отрасли переживают спад и отсутствует реальный базис для их дифференциации, с точки зрения целесообразности поддержки, использование единообразного тарифа является достаточно привлекательным выходом.

Второй мотив заключается в стремлении улучшить условия торговли страны, т.е. добиться более благоприятного соотношения экспортных и импортных цен. Конкретный механизм улучшения условий торговли благодаря введению единообразного тарифа будет представлен ниже. Кроме того, если страна представляет собой крупный

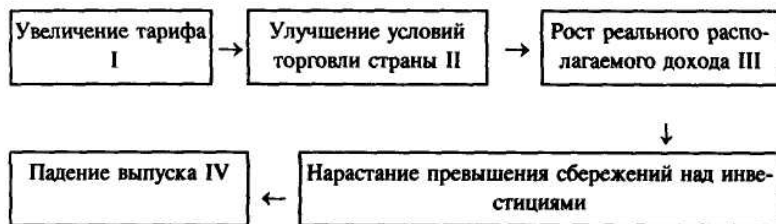
рынок для зарубежных производителей и они хотели бы сохранить его даже в условиях вызванного введением тарифа падения спроса на их товары, они вынуждены будут прибегнуть к снижению цен. Способность страны оказывать влияние на цены товаров, являющихся объектами международной торговли, служит ключевым аспектом теории оптимального тарифного обложения.¹

Современный макроэкономический анализ последствий использования единообразного тарифа основывается на теоретическом подходе, впервые предложенном Р.Манделлом в работе "Гибкие валютные курсы и политика занятости" (Mundell, 1961). Согласно модели Манделла, любые мероприятия государственной экономической политики, направленные на ограничение импорта и не связанные с непосредственным воздействием на уровень национальных сбережений и инвестиций, в условиях подвижности валютных курсов оказывают отрицательное воздействие на уровень совокупного выпуска и занятости. Возникает достаточно парадоксальная ситуация: мероприятия государственного регулирования, направленные на повышение экономической конъюнктуры, на деле снижают уровни выпуска и занятости в национальной экономике, даже если страны-торговые партнеры не принимают никаких ответных мер! Аналогичные выводы содержатся и в технически более сложных работах Э.Тауэра, Р.Боуэра, К. Чана и П.Крагмена, развивающих концептуальную схему Манделла (Tower, 1973; Boyer, 1977; Chan, 1978; Krugman, 1982). Если страна и может получить какие-либо выгоды от введения единообразного тарифа, то они ограничиваются краткосрочным периодом; долговременный эффект все равно оказывается отрицательным (Eichengreen, 1981).

Рассмотрим данный подход, начиная с наиболее простой его формулировки, с последующим усложнением аргументации. Исходная модель Манделла опирается на следующие основные предпосылки: *равновесие государственного бюджета* (отсюда следует, что объем средств, собираемых благодаря тарифу, распределяется - в виде субсидий - между частными экономическими субъектами); *отсутствие международных потоков капиталов* (благодаря этому равновесие торгового баланса равнозначно равновесию платежного баланса); *независимость расходов на отечественные и зарубежные товары от ставки*

процента (что позволяет игнорировать процессы, протекающие на денежном рынке); и, наконец, *неизменность уровней цен* (меняться могут только валютные курсы).

Механизм, обуславливающий при подобных предпосылках неэффективность тарифного регулирования, можно представить следующим образом (см. схему):

Как видим, здесь задействованы четыре причинно-следственные зависимости. Последняя из них не требует особого комментария. Превышение сбережений над инвестициями означает недостаток эффективного спроса; в свою очередь, уменьшение эффективного спроса однозначно обуславливает снижение производства. Три прочие зависимости не столь очевидны, и на них необходимо остановиться подробнее.

Вывод об улучшении условий торговли (т.е. о росте цен экспортируемых благ по сравнению с ценами импортируемых благ) основывается на анализе условий равновесия торгового баланса. Введение тарифа вызывает сокращение импорта; следовательно, растет положительное сальдо торгового баланса страны. Чтобы он вернулся в состояние равновесия, должно иметь место удорожание национальной валюты. Благодаря этому цена - в национальной валюте - импортных товаров, приобретаемых гражданами рассматриваемой страны, понижается, а цена экспортируемых товаров в валюте стран-торговых партнеров повышается. Происходит увеличение импорта и уменьшение экспорта, ликвидирующее положительное сальдо торгового баланса. Как легко заметить, новому равновесию торгового баланса соответствуют улучшенные условия торговли.

Здесь следует сделать важную оговорку. Вывод о снижении импорта при введении единообразного тарифа однозначно справедлив лишь в том случае, если импортируются главным образом потребительские блага. Рассмотрим, почему это условие имеет такое большое значение. Введение тарифа означает повышение относительных цен импортируемых благ. Следовательно, оно создает благоприятные стимулы для экспансии отечественных отраслей, производящих импортозамещающую продукцию. Если для наращивания инвестиций в этих отраслях необходимы лишь те капитальные блага, которые производятся внутри страны, то объем импорта действительно сократится. Если же капитальные блага импортируются, то рост спроса на них ведет к повышению импорта, который может компенсировать сокращение импорта потребительских благ (ср. Ford and Sen, 1985, p.25).

Обратимся теперь к сложной связи между условиями торговли и размером превышения сбережений над инвестициями, объединяющей вторую и третью зависимость в нашей схеме. Эта связь получила название "эффект Лаурсена-Метцлера" или "эффект Харбергера-Лаурсена-Метцлера", по имени ученых, давших ее детальное описание (Harberger, 1950; Laursen and Metzler, 1950). Строго говоря, эти авторы исследовали влияние изменения условий торговли на объем сбережений, принимая, что объем инвестиций остается неизменным. Если следовать их аргументации, то улучшение условий торговли ведет к повышению реального располагаемого дохода граждан страны: ведь улучшение условий торговли означает, что страна может приобретать импортные товары в обмен на *меньшее* количество экспортных благ. Напомним, что в соответствии с предпосылками модели все тарифные доходы государство распределяет между гражданами в виде субсидий, так что на реальных доходах последних никак не отражается повышение цены импортируемых товаров.

Рост реальных доходов, далее, приводит к увеличению как потребительских расходов, так и объема сбережений, поскольку люди стремятся "сгладить" объем потребления во времени, постепенно приспособливая его к новому уровню дохода.

Вместе с тем это последнее утверждение, опирающееся на кейнсианскую доктрину (и в первую очередь, на знаменитый

"психологический закон", постулирующий устойчивую зависимость между текущим реальным доходом и потреблением), а также на эмпирические данные о движении сбережений в краткосрочном периоде, не может считаться однозначным. Вывод о влиянии изменений текущего реального дохода на динамику потребления и сбережений может быть сделан только на основе анализа моделей, отражающих максимизацию экономическими субъектами полезности в долгосрочной перспективе. Эти модели могут приводить к противоположным выводам. Так, М.Обстфидд показал, что ухудшение условий торговли может вести не к падению, как можно было бы ожидать с учетом эффекта Лаурсена-Метцлера, а к росту сбережений (Obstfield, 1982). Возможное объяснение состоит в том, что непредвиденное изменение реального дохода приводит к пересмотру всего долгосрочного потребительского плана домашних хозяйств, благодаря чему текущее потребление будет изменяться не плавно и постепенно, а скачкообразно. Л.Свенссон и Э.Рейзин идут дальше и указывают, что влияние изменения условий торговли затрагивает уровень потребительских расходов (и сбережений) не непосредственно, а через воздействие на объем накопленного богатства и ставку процента (Svensson and Razin, 1983).

Введение в рассмотрение ставки процента требует отказа от предпосылки об отсутствии влияния денежного рынка на последствия тарифного регулирования. Рассмотрение процессов, протекающих на денежном рынке, не только не ослабляет, но, напротив, подтверждает вывод о негативном влиянии единообразного тарифа на экономическую конъюнктуру. Такое заключение основывается на четко определенной спецификации функции спроса на деньги. Предполагается, что спрос на деньги тем выше, чем выше номинальный доход граждан страны и чем ниже процентная ставка. Номинальный доход, в свою очередь, зависит от стоимостного объема внутреннего производства и тарифных доходов. Рост последних благодаря проведению протекционистской политики приводит к росту спроса на деньги. Если предложение денег фиксировано, то сохранение равновесия на денежном рынке требует повышения процентных ставок. Их рост стимулирует сбережения (и дестимулирует расходы как потребительские, так и инвестиционные), благодаря чему образуется дополнительный

Таблица. Предпосылки проявления неблагоприятных макроэкономических последствий использования единогообразного тарифа

1. Отсутствие влияния денежного рынка; отсутствие импорта капитала	1.1. Улучшение условий торговли	Ревальвация валюты
	1.2. Эффект Лаурена-Метцлера	- Равновесие торгового баланса - Достаточная подвижность валютного курса - Импорт главным образом потребительских товаров Прирост сбережений - Распределение тарифных поступлений между экономическими субъектами - Устойчивость функции потребления к изменению реальных доходов Отсутствие прироста инвестиций
2. Влияние денежного рынка; отсутствие международной мобильности капиталов	2.1. Повышение процентных ставок	Рост спроса на деньги - Зависимость спроса на деньги от номинального дохода и ставки процента
	2.2. Падение спроса на отечественную продукцию	Фиксированное предложение денег Импорт главным образом потребительских товаров
3. Влияние денежного рынка в условиях импорта капитала	2.1., 2.2., а также 3.1. Неизменность номинального дохода	Международное выравнивание процентных ставок

недостаток эффективного спроса (ср. Krugman, 1982, p.146-152). Этот эффект опять-таки связан с тем, что импортируемые блага предназначены исключительно для потребления. В противном случае спрос на них зависел бы от ставки процента, так что с ростом последней снижался бы спрос именно на импортируемые инвестиционные товары, а не на потребительские товары, выпускаемые отечественными производителями.

Наконец, нам осталось рассмотреть последствия ослабления предпосылки об отсутствии международного движения капитала. Если капитал может свободно перемещаться между странами, ставки процента на внутреннем и международном денежных рынках должны быть равны (здесь происходит абстрагирование от ожиданий относительно изменения валютных курсов). Таким образом, прирост номинального дохода благодаря увеличению тарифных поступлений уже не может быть уравновешен повышением ставки процента на внутреннем денежном рынке, ведь оно будет полностью компенсировано притоком иностранного капитала. Следовательно, для сохранения равновесия на денежном рынке должен уменьшиться другой компонент, определяющий величину номинального дохода, а именно - стоимостный объем национального производства².

В таблице суммированы все упомянутые выше теоретические предпосылки, при которых должно иметь место отрицательное влияние стратегии использования единообразного тарифа на макроэкономические показатели. Теперь мы можем приступить к последовательному анализу релевантности данных предпосылок с точки зрения экономического состояния современной России.

2. Перспективы использования единообразного тарифа в российских условиях

В данном разделе мы будем изучать ожидаемое влияние введения единообразного импортного тарифа, повышающего средний уровень защиты импортозамещающих отраслей по сравнению с существ-

вующей тарифной системой. Первая проблема, которую мы рассмотрим, касается воздействия такого единообразного тарифа на сальдо торгового баланса и, как результат, на валютный курс. Прежде всего следует отметить, что в существующих российских условиях едва ли можно ожидать снижения уровня импорта под влиянием такой политики. С одной стороны, продолжительный спад отечественного производства обусловил повышенную роль импорта с точки зрения насыщения потребительского спроса. Так, по разным оценкам за 1991-1995 гг. доля импорта в совокупных ресурсах (производство плюс импорт) возросла в пищевой промышленности и сельском хозяйстве до 15-25%, а в легкой промышленности - до 25-35%. Вследствие этого повышение относительных цен импортной продукции, обеспечивая благоприятные условия для прироста отечественного производства в среднесрочной перспективе, *в краткосрочной перспективе* - т.е. до того, как будет иметь место прирост выпуска - может не привести к сокращению объема ввоза. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что введение с 1 июля 1995 г. новых импортных пошлин на продовольственные товары не оказало практически никакого влияния на динамику их закупок за границей.

С другой стороны, доля инвестиционных товаров в общем объеме импорта весьма существенна, а отечественное их производство находится в достаточно стесненных условиях, так что стимулированный введением тарифа прирост инвестиций должен быть сопряжен с ростом их импорта (подробнее эта проблема будет освещена в разделе 5).

Таким образом, в краткосрочном периоде сальдо платежного баланса, вряд ли, претерпит изменения, которые окажут сколько-либо существенное понижающее давление на курс доллара. Вместе с тем очевидно, что в среднесрочной перспективе снижение относительной прибыльности импортных операций приведет к падению спроса на доллары со стороны импортеров. В той мере, в какой это будет иметь место, следует действительно ожидать повышения курса национальной денежной единицы. При этом режим мягкого фиксирования курса рубля к доллару в границах валютного коридора способен, скорее, облегчить, чем затруднить этот процесс. До начала июля 1995 г., когда

впервые были установлены максимальная и минимальная границы курсовых колебаний, доминирующую роль на валютном рынке играли факторы спекулятивного характера. О размахе их действия можно судить на основании того, что в отдельные дни на биржевых торгах рубль терял до 5% своей стоимости, а в известный "черный вторник" 11 октября 1994 г. он "упал" сразу на 27,4%.

После введения валютного коридора в границах 4300-4900 руб./долл. (скорректированных в январе 1996 г. на 5,8% - до уровня 4555-5150 руб./долл.) на валютном рынке страны сложилась ситуация, которой ранее не наблюдалось: изменения курса иностранной валюты стали определяться главным образом спросом и предложением ее со стороны хозяйствующих субъектов, осуществляющих внешнеэкономическую (прежде всего внешнеторговую) деятельность. Есть основания полагать, что "валютный коридор" достаточно хорошо отвечает сложившейся макроэкономической ситуации: за все время его существования валютный курс ни разу не достиг ни верхней, ни нижней своих границ, что свидетельствует об их адекватности.

Декларированное Правительством Российской Федерации намерение перейти с 1 июля 1996 г. к механизму скользящей привязки курса рубля к доллару будет способствовать углублению положительных тенденций в этой сфере. С одной стороны, границы изменения валютного курса будут теперь пересматриваться в соответствии с оценками уровня инфляции, а ведь именно игнорирование инфляционного фактора было основной причиной ущемления интересов экспортеров при режиме "валютного коридора". С другой стороны, расширяется рыночная база определения курса рубля: с 1 июля он будет ориентироваться на результаты торгов не только на Московской валютной бирже, но и на межбанковском валютном рынке.

Однако реальная ревальвация рубля, вопреки рассмотренной в предыдущем разделе модели, едва ли приведет к такому изменению стоимостного объема экспорта, которое кардинальным образом отразится на величине сальдо платежного баланса. Дело в том, что в настоящее время изменения валютного курса - как номинального, так и реального - оказывает весьма слабое влияние на динамику экспорта. Темп роста экспорта в 1995 г. по сравнению с 1994 г. составил 118%,

и это при том, что в 1995 г. резко ускорился процесс сближения номинального и реального (рассчитанного по паритету покупательной способности) курса рубля. К началу 1994 г. было достигнуто примерно четырехкратное превышение номинального курса над реальным; к концу 1995 г. оно снизилось до 1,6 раз (средний номинальный курс 4500 руб./долл. при реальном валютном курсе, рассчитанном по паритету покупательной способности, около 2800 руб./долл.).

Часть прироста экспорта в 1995 г. может быть объяснена изменением правил регулирования экспортной деятельности в начале года: отменой квотирования экспортных поставок, упразднением института спецэкспортеров, существенным сокращением перечня лицензируемых экспортных товаров, а также пересмотром в сторону уменьшения многих экспортных тарифов. Именно этот фактор обеспечил в первом квартале 1995 г. беспрецедентный прирост экспорта на 40% от уровня января-марта 1994 г. Однако главной причиной "нечувствительности" экспорта к изменению валютного курса является сохраняющееся превышение мировых цен основных экспортных товаров над внутренними. Так, в конце сентября это превышение составляло по сырой нефти - 25%, по необработанным лесоматериалам - 70%, по природному газу - целых 330% (эти товары по стоимости составляют соответственно 16% , 5% и 17,3% совокупного российского экспорта).

Перечисленные факторы - как со стороны импорта, так и со стороны экспорта - позволяют предположить возможность сохранения, по крайней мере в краткосрочном периоде, достигнутого уровня внешнеторгового оборота (104,2 млрд. долл. в 1994 г. и 123,7 млрд. долл. в 1995 г.) и положительного сальдо торгового баланса России (26,9 млрд. долл. в 1994 г. и 30,9 млрд. долл. в 1995 г.).³ Данные показатели могут дать нам представление о величине "эффекта рычага", который преобразует данное изменение условий торговли в прирост реального дохода.

Вместе с тем одной из наиболее характерных особенностей современной ситуации является то, что значительная часть экспортной выручки остается на счетах в зарубежных банках. По сведениям Государственного таможенного комитета, только за январь-сентябрь 1995 г.

объем выручки, не репатрированной экспортерами, составил 5,6 млрд. долл. Чтобы представить себе значимость этой цифры, достаточно сказать, что объем внешних займов российского правительства за указанный промежуток времени составил 5 млрд. долл.

Этот факт может во многом внести ясность в проблему относительной динамики сбережений. Суммы, удерживаемые экспортерами на зарубежных банковских счетах, представляют собой, с точки зрения национальной экономики, чистые сбережения, величина которых нечувствительна к изменению реального дохода или ставки процента внутри страны и определяется исключительно мотивом утаивания дохода и защиты его от политических и экономических рисков, свойственных сегодняшней России. В целом представляется справедливым предположение, что динамика реального душевого дохода оказывает прямое влияние на динамику прежде всего тех сбережений, которые осуществляются лицами, имеющими средний уровень благосостояния (см. Луценко и Радаев, 1996). Сбережения же высокодоходной части граждан, определяющие динамику совокупных сбережений благодаря значительному удельному весу, не подчиняются этой закономерности. Этим, как следует полагать, объясняется сложившаяся в 1993-1994 гг. парадоксальная ситуация, когда отношение сбережений к денежным доходам росло при одновременном падении уровня реальных доходов и покупательной способности населения (сбережения в процентах к денежным доходам составили в 1992 г. 18,9%, в 1993 г. - 23,2%, а в 1994 г. - 27,3%).

Поскольку один из ключевых вопросов, интересующих нас, связан с размером превышения сбережений над инвестициями, здесь следует остановиться на взаимосвязи этих двух переменных. С самого начала необходимо отметить, что роль сбережений населения в финансировании инвестиций крайне невелика: в 1994-1995 гг. она не превышала, по различным оценкам, 4-6%, и нет оснований предполагать, что по итогам 1996 г. она повысится сколь-нибудь существенно. Главным источником финансовых ресурсов для осуществления капиталовложений на данном этапе являются собственные средства предприятий. В 1994 г. их доля в финансировании инвестиций составила 64,5%, а в первом полугодии 1995 г. - 63% (не исключено, что отме-

ценное снижение является просто следствием погрешности в измерениях, и в любом случае его относительно небольшая величина не позволяет говорить о сколь-либо выраженной тенденции). Именно фактор недостаточности собственных средств явился основным препятствием на пути расширения предприятиями инвестиционной активности в 1995 г., далеко обойдя по значимости такие факторы, как высокий процент по кредитам, трудность получения долгосрочных кредитов, рост цен на оборудование и материалы, используемые в производственном процессе. Особо примечательно, что наименьшее препятствие осуществлению инвестиций представляла их низкая ожидаемая прибыльность (Цухло, 1996). Это вызвано прежде всего тем, что главную проблему для отечественных предприятий представляет не наращивание производственных мощностей, а полноценное замещение выбытия капитальных благ. В этих условиях можно заключить, что повышение импортных пошлин через смягчение спросовых ограничений благодаря частичному переключению спроса с импортных на отечественные товары будет в значительной мере способствовать увеличению объема инвестиций, финансируемых за счет возросших собственных средств предприятий.

Обратимся теперь к вопросам поведения денежного рынка. Наиболее существенно, что упомянутая в предыдущем разделе предпосылка о типе функции спроса на деньги не может быть адекватно применена для описания процессов в инфляционной обстановке, которая характерна для современной России. В условиях высокой инфляции (а ежемесячные темпы инфляции даже в пределах 3-5% по мировым меркам являются достаточно высокими) спрос на реальные денежные активы определяется прежде всего не размером номинального дохода и не величиной ставки процента, а темпом реального обесценения доходов и сбережений, проще говоря, темпом роста совокупного уровня цен. При этом возникает классический эффект "воронки", когда повышение темпа инфляции снижает спрос на деньги, стремление экономических субъектов избавиться от денег повышает скорость их обращения, а это, в свою очередь, подстегивает спрос на товары и услуги и дальнейший рост их цен. Однако не следует упускать из вида и противоположного эффекта, особенно четко проявляющегося в по-

ведении предприятий: повышение цен может приводить к росту спроса на деньги, необходимые для закупки сырья и материалов по повышенным ценам. Чтобы понять, какой из упомянутых двух эффектов преобладает, необходимо ответить на вопрос о "глубинной причине" российской инфляции. Является ли рост денежной массы экзогенным фактором, обусловленным ростом денежной массы, или же он вызван структурными факторами, а рост денежной массы является лишь следствием реакции властей на потребности экономики в деньгах? Для нас этот вопрос имеет принципиальное значение, поскольку он важен для оценки предпосылки о неизменности денежной массы в условиях роста спроса на деньги.

Ряд исследователей полагают, что инфляция в российской экономике определяется преимущественно денежными факторами (см., например, Илларионов, 1996); другие, напротив, придерживаются точки зрения о структурных ее корнях (Саава, 1995). Анализ данной проблемы затрудняется тем, что простое прослеживание зависимости между двумя показателями - денежной массы и уровня цен - мало что может сказать о достоинствах того или иного подхода, поскольку оба они постулируют однотипную зависимость, хотя и с различным направлением причинно-следственной связи. Как представляется, главной причиной роста совокупного уровня цен следует считать все же процесс приспособления ценовой структуры к рыночным условиям. Модификация отраслевых паритетов цен, начавшаяся после либерализации ценообразования в 1992 г., могла принять - и приняла - единственно возможный характер - характер неравномерного повышения цен по всем товарным группам. Этот процесс не закончен и по сей день. Ситуация, при которой повышение одних цен происходит при абсолютном сокращении или хотя бы неизменности уровня остальных цен, представляется просто немыслимой из-за неизбежного "вымирания" отраслей, чьи относительные цены при этом снижаются (что-то подобное происходит сейчас с сельским хозяйством, даже несмотря на абсолютный рост цен его продукции).

В этой связи очевидно, что ориентация правительства на использование монетаристских инструментов подавления инфляции создает искусственный дефицит денег в экономике по сравнению с по-

требностями в них предприятий. Очень высокий темп роста скорости оборота денежной массы (рассчитываемой как отношение ВВП к денежному агрегату М3) - с 1,4 раза в 1992 г. до 10,2 раза в 1994 г. и примерно 8,0 в 1995 г. - может расцениваться как свидетельство того, что денежная масса в России - "самая сжатая в мире" (Бурлачков, 1996). Одновременно с этим установление номинальной ставки процента на уровне, намного превышающем уровень рентабельности в промышленности, практически лишает предприятия доступа к кредиту. О последствиях такой политики можно судить и по спаду производства и инвестиций, и по масштабу кризиса неплатежей: по состоянию на 1 февраля 1996 г. просроченная задолженность в промышленности составила 9,7% ВВП. В этих условиях улучшение финансового состояния предприятий благодаря переориентации финансовых потоков с импорта на отечественную продукцию может привести к удовлетворению части спроса предприятий на деньги и ослаблению негативного влияния проводимой кредитно-денежной политики на национальную промышленность.

Подведем итоги рассмотрения интересующего нас вопроса. Использование единообразного импортного тарифа в среднесрочной перспективе действительно может привести к ревальвации национальной валюты и улучшению условий торговли страны, несмотря на сохраняющееся неравновесие торгового баланса. В той мере, в какой это приведет к повышению реальных доходов "среднего класса", данный феномен может обеспечить преимущественный рост сбережений. Однако этого недостаточно, чтобы можно было говорить о возникновении эффекта Лаурсена-Метцлера. Во-первых, основная часть сбережений осуществляется в предпринимательском секторе, не зависит от уровня реальных доходов и определяется мотивом сокрытия выручки и избежания риска. Во-вторых, несмотря на отсутствие прямой связи между сбережениями и инвестициями, объем последних в результате введения единообразного тарифа должен возрасти благодаря приросту собственных средств предприятий. Таким образом, отсутствуют достаточные основания для вывода об отрицательном влиянии единообразного тарифа на макроэкономические показатели, соответствующем

предсказаниям моделей, абстрагирующихся от влияния денежного рынка и международного движения капиталов.

Рассматривая расширенную модель, принимающую во внимание денежный рынок, нельзя сделать однозначный вывод о росте спроса на деньги, однако - что в конкретных российских условиях гораздо важнее - мы можем говорить о снижении *неудовлетворенного* спроса предприятий на финансовые ресурсы, а значит, об отсутствии повышательного давления на процентную ставку. В связи с этим проявление негативных эффектов, обусловленных влиянием факторов денежного рынка и международного движения капиталов, представляется маловероятным.⁴

Таким образом, в современной России отсутствуют предпосылки, необходимые для возникновения негативных последствий рассматриваемой тарифной политики. Напротив, стимулируя пророст инвестиций, оно может реально содействовать улучшению экономической конъюнктуры. Если же мы вспомним о возможности улучшения условий торговли вследствие ревальвации рубля, наша оценка перспектив использования единообразного тарифа должна быть однозначно положительной.

3. Тарифная защита капиталоемких отраслей: вопросы теории

Стимулирование развития капиталоемких отраслей промышленности традиционно считается одной из главных стратегий интенсификации хозяйственного развития. Создание капитальных мощностей, воплощающих в себе, используя терминологию Р.Солоу, "овещественный технический прогресс", является ее ключевым элементом. Защита национального рынка капиталоемкой продукции путем введения протекционистских импортных тарифов часто используется как инструмент привлечения инвестиций - как отечественных, так и зарубежных - в соответствующие отрасли. Таким образом, в отличие от предыдущих двух разделов, здесь нас интересуют вполне специфические тарифы - тарифы на ввоз капиталоемкой продукции. Создавая благоприятные условия для развития капиталоемкого сектора, они в то

же время обуславливают межотраслевое перераспределение производственных ресурсов - прежде всего капитала и труда, в результате которого изменяется структура и объем экономического выпуска. Отсюда следует, что при определении макроэкономических последствий тарифной защиты капиталоемких отраслей основное внимание должно концентрироваться на проблемах, связанных со сферой предложения, а не со сферой спроса (как в разделе 2).

Импортные тарифы, повышая норму доходности в капиталоемких отраслях, создают условия для осуществления в них дополнительных инвестиций. Каким образом они влияют на распределение производственных ресурсов в экономике? Для ответа на поставленный вопрос необходимо рассмотреть источники этих инвестиций. Во-первых, это свободные сбережения хозяйствующих субъектов, т.е. сбережения, ранее лишенные "производительного применения". Во-вторых, это дополнительные сбережения, стимулированные ростом доходности капиталовложений. Если прирост сбережений достигается путем сокращения потребления продукции других отраслей, которое уменьшает поступление финансовых средств, необходимых для приобретения ими производственных ресурсов, мы можем говорить об опосредованном оттоке капитала.⁵ Далее, следует указать на возможность непосредственного перетока капитала из других отраслей, когда хозяйствующие субъекты изымают из них ранее инвестированные ресурсы или репрофилируют производственные мощности. В этом заключается третий источник инвестиций. И, наконец, может иметь место приток зарубежных инвестиций, привлеченных повышенной нормой доходности в рассматриваемой стране и/или желанием иностранных производителей проникнуть на ее внутренний рынок, минуя импортные барьеры.

Приток инвестиций в капиталоемкие отрасли вызывает в них рост предельной производительности труда, что при отсутствии институциональных ограничений на рынке рабочей силы должно вести к росту заработной платы. Если в экономике присутствует безработица, рост спроса на труд в капиталоемких отраслях может быть удовлетворен без сокращения занятости в трудоемком секторе. Экономический выигрыш в этом случае очевиден. Если же межотраслевой переток

рабочей силы под влиянием отраслевого дифференциала заработной платы все же имеет место, возникает следующая проблема: число работников, привлеченных повышенным уровнем заработной платы и оставивших рабочие места в трудоемких отраслях, может оказаться больше, чем число новых рабочих мест в капиталоемких отраслях. В этих условиях, согласно классической модели Харриса-Тодароу, экспансия капиталоемких отраслей приводит к повышению безработицы (Harris and Todaro, 1970).

Что можно сказать в этой связи о влиянии вызванного введением тарифа перераспределения и накопления производственных ресурсов на уровень выпуска? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сопоставить изменение выпуска в капиталоемком и трудоемком секторах экономики. Можно однозначно утверждать, что выпуск в трудоемком секторе будет уменьшаться. В том случае, если имеет место прямой или косвенный переток капиталов, это утверждение достаточно очевидно. Что же касается накопления капитала (за счет использования уже имеющихся сбережений или притока иностранных инвестиций), то его влияние определяется известной в теории международной торговли теоремой Рыбчинского, которая гласит, что в модели международной торговли 2x2 (два товара, два фактора производства) накопление одного из факторов производства должно вести к увеличению выпуска товара, выпуск которого требует большого количества данного фактора, и сокращению выпуска другого товара. В нашем случае прирост количества капитала при неизменном объеме используемой рабочей силы должен вести к сокращению производства в трудоемком секторе. Если при этом трудоемкий сектор сам по себе неоднороден, то теорема Рыбчинского может быть применена и к отраслям, его составляющим: отток из него рабочей силы (т.е. "отрицательное накопление труда") должен привести к сокращению производства в наиболее трудоемких отраслях и росту производства в наименее трудоемких отраслях данного сектора.

Выпуск продукции в капиталоемком секторе, напротив, будет расти как в физическом, так и в стоимостном измерении. Однако очевидно, что прирост стоимости продукции в мировых ценах окажется ниже, чем в ценах соответствующей страны, поскольку внутренние

цены благодаря использованию тарифа превышают мировые. Благодаря этому может возникнуть ситуация, при которой прирост стоимости продукции капиталоемкого сектора во внутренних ценах будет достаточен для компенсации падения стоимости продукции трудоемкого сектора, а в мировых - недостаточен. Таким образом, даже при росте суммарной стоимости продукции обоих секторов во внутренних ценах, ее суммарная стоимость в мировых ценах будет падать, что равносильно снижению экономического благосостояния граждан страны. Данное утверждение получило название "парадокс Джонсона" (см. Johnson, 1967).

Особое внимание уделяется парадоксу Джонсона в теоретической литературе, рассматривающей влияние иностранных инвестиций на экономику принимающей страны. Эта проблема заслуживает того, чтобы подробно на ней остановиться. Тому есть две причины. С одной стороны, именно этот вид инвестиций способен внести максимальный вклад в развитие соответствующих производств за счет привнесения специфических неосязаемых активов зарубежных фирм - технологических достижений (как оформленных патентом, так и незапатентованных), организационных секретов, методов обучения персонала и т.д. (Horstmann and Markuzen, 1989). С другой стороны, значительная часть непосредственных выгод от данного вида капиталовложений достается инвесторам, не являющимся резидентами данной страны, и которые не увеличивают благосостояние ее граждан.

В соответствии с одной из основополагающих моделей, авторами которой являются Р.Бричер и К.Диас-Алеjandro, в условиях полной занятости приток зарубежных инвестиций в капиталоемкие отрасли, защищенные тарифом, всегда ведет к снижению экономического благосостояния, если зарубежный капитал в полном объеме получает вознаграждение, определяемое его предельной производительностью (Brecher and Diaz-Alejandro, 1977). Этот вывод был обобщен А.Ханом с учетом уже упоминавшейся модели Харриса-Тодароу (см. Khan, 1982). В модели Хана приток иностранных инвестиций понижает благосостояние, если импортозамещающее производство оказывается более капиталоемким, чем другие отрасли, даже в том случае, если его капиталоемкость рассчитывать с учетом как занятых в нем работ-

ников, так и лиц, оставивших работу в трудоемком секторе, но не сумевших найти ее в капиталоемком.

Впрочем, ряд исследователей неоднократно выдвигали аргументы, указывающие на ограниченность подобных выводов. Так, было продемонстрировано, что при данной капитало- и трудоемкости производства в обоих секторах и при данном разрыве между уровнями оплаты труда занятых в них работников может быть определена такая ставка тарифа на импорт капиталоемкой продукции, при которой импорт капитала будет повышать благосостояние страны (Buffie, 1987, особенно р. 152-154). Далее, подчеркивается роль факторов, повышающих издержки перетока рабочей силы из трудоемких отраслей в капиталоемкие. К числу таких факторов относятся, в частности, мотив избежания риска, связанного с возможностью неудачного поиска работы, а также изменение эластичности спроса на труд в трудоемком секторе, побуждающее оперирующих в ней производителей повышать заработную плату (Grinols, 1991). Дело в том, что теоретические построения, в основе которых лежит модель Харриса-Тодароу, исходят из возможности неограниченного оттока рабочей силы из трудоемкого сектора при неизменном уровне заработной платы в нем. Подобная предпосылка делает их применимыми для изучения проблемы зарубежного инвестирования в слаборазвитых странах, где основная масса занятых сконцентрирована в традиционном сельскохозяйственном производстве, но не к индустриальным экономикам, трудоемкий сектор которых оперирует в рыночных условиях.

Однако даже в том случае, если имеет место снижение благосостояния, вывод о неэффективности стратегии стимулирования развития капиталоемкого сектора с помощью тарифной защиты, отнюдь, не очевиден. Во-первых, важно, относительно какого уровня имеет место падение - относительно начального уровня благосостояния до введения тарифа или относительно уровня благосостояния после введения тарифа, но до притока инвестиций в капиталоемкий сектор. Как мы показали в разделе 2, во втором случае уровень благосостояния может быть больше. Если благосостояние падает именно относительно данного уровня, но не первоначального уровня, то можно говорить об успехе стратегии, ибо ее целью является повышение производства ка-

питалоемкой продукции, а не совокупного уровня благосостояния. Во-вторых, даже если в краткосрочном периоде благосостояние снижается относительно первоначального уровня, необходимо оценивать долгосрочные перспективы развития соответствующих производств. Если к ним применим аргумент о защите новых отраслей, т.е. с течением времени ожидается снижение более высокого (по сравнению с мировым) уровня издержек производства и распространение благоприятных побочных эффектов - технологических, инфраструктурных и др., - то данная стратегия все равно имеет смысл (ср. Krueger and Tuncer, 1982, p.1142-1143).

Наконец, с тарифной защитой капиталоемких отраслей связана еще одна специфическая проблема. Она состоит в том, что выпускаемая ими продукция в свою очередь может быть задействована для осуществления производственного процесса в других отраслях. Примером может служить машиностроительная продукция производственного назначения. Замещение импорта более дорогостоящими инвестиционными благами внутреннего производства приводит к повышению издержек в использующих их отраслях, снижению рентабельности и международной конкурентоспособности последних, что может вызвать падение производства даже помимо упомянутого выше эффекта межотраслевого перетока ресурсов. Таким образом, положительная ставка тарифа на продукцию машиностроения обуславливает отрицательную эффективную тарифную ставку на продукцию прочих отраслей.⁶ В данном случае опять-таки необходимо учитывать возможности долгосрочного снижения издержек внутреннего производства, а также перспективу изменения их структуры путем внедрения технологий, для которых характерны новые пропорции использования факторов производства и импортируемых производственных благ (Ramaswami and Srinivasan, 1975).

4. Возможности использования тарифных барьеров для стимулирования капиталоемких отраслей в России

На современном этапе стимулирование производства в капиталоемких отраслях промышленности приобретает характер единст-

венного инструмента для предотвращения тотальной деиндустриализации экономики. Симптомы деиндустриализации налицо: они выражаются прежде всего в преимущественном падении производства в отраслях обрабатывающей промышленности по сравнению с добывающими отраслями и отраслями, осуществляющими первичную обработку сырья. В условиях общего снижения интенсивности промышленного производства в России (57,2% за период с января 1990 по январь 1996 г.) наибольший спад зарегистрирован именно в обрабатывающих отраслях: в легкой промышленности - на 87%, в машиностроении - на 64%, в химической и нефтехимической промышленности - на 58%. Наименьшие темпы падения приходились на отрасли ТЭК (34%), черной и цветной металлургии (45% и 22% соответственно). Причем в последнее время эта тенденция проявляется еще более четко: за 1995 г. (по сопоставлению "январь 1996 г. - январь 1995 г.) при общепромышленном спаде в 5% производство в машиностроении упало на 19%, в легкой промышленности - на 23%, в химической - на 13%, в то время как в топливной - лишь на 3%, в черной металлургии - на 4%, а в цветной металлургии наблюдался даже рост на 1%. Все отрасли относительно "благополучной" группы характеризуются высокой степенью ориентированности на экспорт. Так, по оценкам, в 1996 г. будет экспортировано более 30% произведенного дизельного топлива и нефти, более 20% мазута и природного газа, более 40% медного проката, около 90% алюминиевого проката. Относительно стабильный внешний спрос обуславливает повышенную инвестиционную привлекательность этих отраслей. Согласно прогнозу, только на один ТЭК в 1996 г. придется порядка 42-45% инвестиций, осуществляемых за счет всех источников финансирования (Письменная, 1996). В этих условиях формируется макроэкономическая структура, для которой характерна опора на экспорт продукции с низкой долей добавленной стоимости и импорт продукции обрабатывающей промышленности, включающей как товары народного потребления, так и оборудование для экспортно-ориентированных отраслей. Реализация этой тенденции означала бы потерю Россией индустриального статуса и ее полную экономическую зависимость от состояния конъюнктуры на мировом рынке сырья и продукции низкой степени обработки (Кириллов, 18.01.1996).

Противостоять такой тенденции могут экстренные меры, направленные на реориентацию ресурсных потоков в сторону отечественных обрабатывающих отраслей. В отличие от ситуации, рассмотренной нами в теоретических моделях тарифной защиты капиталоемких отраслей, российский экспорт также является капиталоемким, а не трудоемким, что обуславливает прямую конкуренцию за инвестиционные ресурсы. Что касается трудовых ресурсов, то здесь конкуренция менее выражена в связи со значительным уровнем их недоиспользования. Число официально зарегистрированных безработных составило к началу 1996 г. 5,9 млн. человек, или около 8% экономически активного населения, ⁷ а число не полностью занятых на производстве - 4,1 млн. человек (примерно 5,5% экономически активного населения). Благодаря широкому распространению феномена неполной занятости в России сложилась парадоксальная ситуация: расчеты по макроэкономическим моделям свидетельствуют, что на 1% прироста ВВП требуется 0,03% *снижения* занятости, в то время как в странах с развитой рыночной экономикой для этого требуется 0,6% *прироста* занятости. В условиях, характерных для "западных" экономических систем, снижение занятости на 2-3% в год соответствовало бы не 15% спада производства, как в России, а лишь 1-2% (Славин-Боровский и Федоров, 1996). Таким образом, мы можем говорить если не об отрицательной, то о близкой к нулевой эластичности выпуска по труду, что свидетельствует о значительных возможностях наращивания производства без дополнительного притока рабочей силы, исключительно за счет сокращения неполной занятости.

Необходимость изменения направленности внутренних инвестиционных потоков проявляется особенно четко в связи с тем, что на сколь-либо существенный прирост зарубежных инвестиций в капиталоемкие отрасли рассчитывать не приходится. Совокупный объем инвестированного в России зарубежного капитала составил в 1995 г. около 1,2 млрд. долл., что в 2,1 раза меньше, чем в Польше и Чехии, и в 3,6 раза меньше, чем в Венгрии. С учетом сопоставления масштабов экономик этих стран и российской экономики очевидно, что средства зарубежных инвесторов не могут рассматриваться как серьезный источник финансирования отечественной промышленности (по оцен-

кам Государственной инвестиционной корпорации, реальная потребность российской экономики в зарубежных инвестициях составляет 10-12 долл. США в год). К тому же отчетливо заметен крен в сторону вложений в сектора (преимущественно добывающие), где можно получить наибольшую и наискорейшую отдачу. Именно этим объясняется тот факт, что в 1994 г. 49,5% иностранных инвестиций было направлено в топливную промышленность, и лишь 4,1% - в машиностроение и металлообработку. И хотя в 1995 г. лидерство топливной промышленности в этом отношении не столь четко выражено, общая картина остается неизменной.

Низкая конкурентоспособность отечественной машиностроительной продукции на международном рынке может рассматриваться как основание для утверждения, что прирост ее стоимостного объема в мировых ценах окажется недостаточным для компенсации снижения стоимости производства - опять же в мировых ценах - конкурентоспособной на мировом рынке продукции низкой степени обработки. Таким образом, опасность возникновения ситуации "парадокса Джонсона" в сегодняшних условиях достаточно велика. Более того, мы должны учитывать острую зависимость российской экономической ситуации от положения дел в отраслях, производящих продукцию низкой степени обработки. На долю минеральных ресурсов, черных и цветных металлов и продукции лесобумажной промышленности приходится более 70% стоимости российского экспорта. Лидирующие позиции здесь занимает продукция топливно-энергетического комплекса, обеспечивающая около 45% (для сравнения: доля машин и оборудования составила в 1995 г. лишь 5,8%). Планируется, что в 1996 г. ТЭК обеспечит около 35% всех поступлений государственного бюджета, т.е. 121 трлн. руб. из 347 трлн. руб., а его доля в товарной продукции составит более 27% - соответственно 270 из 968 трлн. руб. (Баскаев, 1996). Это создает дополнительные проблемы, связанные с реориентацией потоков производственных ресурсов в капиталоемкие импортозамещающие отрасли. Вместе с тем надо четко отдавать себе отчет в том, что будущее российской экономической системы зависит прежде всего от состояния обрабатывающих отраслей, свертывание которых в долгосрочной перспективе приведет к гораздо более высоким потерям, чем

те, которые - в краткосрочной перспективе - связаны с отвлечением инвестиционных ресурсов из добывающего сектора.

Задача поддержания индустриального потенциала России связана прежде всего с обеспечением выживания и выхода из кризиса отраслей "технологического ядра" машиностроения, определяющих общий уровень качества инвестиционных товаров отечественного производства (станкостроение, приборостроение, электротехническая промышленность). Падение совокупного уровня производства в них в 1,5-3,5 раза опережает темп спада в целом по промышленности. Это создает серьезную угрозу перманентного воспроизводства устаревших в технологическом отношении капитальных благ. В этих условиях даже прирост инвестиций может не оказать положительного влияния на состояние экономики, поскольку использование оборудования, не отвечающего мировым стандартам, будет определять неконкурентоспособность отечественной продукции по сравнению с импортными аналогами.

Далее, спад производства в тех отраслях машиностроения, которые производят капитальные блага, значительно превышает уровень, необходимый для замещения выбытия оборудования в соответствующих отраслях. Хорошее представление об удовлетворении потребности обрабатывающих отраслей в оборудовании может дать сопоставление падения объемов производства в данных отраслях и объемов выпуска соответствующих типов оборудования. Так, в 1994 г. по сравнению с 1991 г. спад производства в нефтегазовой промышленности составил 29%, а спад производства оборудования для нефтегазовой промышленности - 46%, для пищевой промышленности эти показатели составляют 41% и 68%, в целом по промышленности - 46% и 67%, по сельскому хозяйству - 19% и 76% (Экономический мониторинг России, 1995, с.42). Таким образом, снижение выпуска машиностроительной продукции создает существенные препятствия для улучшения экономической ситуации в будущем, лишая народное хозяйство базы инвестиционного роста.

В то же время следует отметить, что указанные факторы делают крайне непривлекательной стратегию оживления конъюнктуры в производящих капитальные блага отраслях путем введения импортных

тарифов на ее продукцию. Поскольку налаживание машиностроительного производства требует значительных капиталов и времени, сколько-либо заметное расширение отечественного выпуска может быть достигнуто не ранее чем через 2-3 года, и на протяжении всего этого времени инвестиционный процесс в промышленности будет сдерживаться искусственно вызванной дороговизной капиталных благ. Ситуация усугубляется тем, что отечественные и импортные виды оборудования не могут рассматриваться как близкие субституты ввиду существенных различий по качеству. В результате импортные пошлины могут затруднить доступ к импортным капитальным благам определенных типов в отсутствии перспектив роста их отечественного производства.

Эти выводы особенно актуальны с учетом ожиданий оживления инвестиционного процесса, которые связываются с возможным расширением в 1996 г. импорта машиностроительной продукции из стран дальнего зарубежья. По прогнозу специалистов Министерства экономики, его объем должен повыситься до 16,8-17,9 млрд. долл. (что на 28-36% выше уровня 1995 г., составившего примерно 13,14 млрд. долл.) с соответствующим увеличением доли машин и оборудования в общем объеме импорта из стран дальнего зарубежья до 44-45% (в 1995 г. эта доля составила 39%).⁸ В предыдущие годы в условиях общего спада капитальных вложений импорт машиностроительной продукции устойчиво снижался по сравнению с общим объемом импорта. В 1992-1994 гг. его падение составило 71%, что на 15% больше, чем спад импорта по всем товарным группам. Ввиду наметившейся положительной тенденции повышение пошлин на продукцию машиностроения означало бы мощный удар по инвестиционному процессу.

С учетом вышесказанного стимулирование машиностроительного производства целесообразно осуществлять не с помощью ограничения доступности импорта, а путем прямого государственного субсидирования конкретных инвестиционных программ и проектов по расширению производства на основе более полной загрузки оборудования, простаивающего вследствие ограниченности заказов. Основным достоинством этой стратегии является то, что в краткосрочном аспекте она способствует удешевлению, а не удорожанию капиталных благ

и тем самым оказывает положительное влияние на инвестиционные перспективы в национальной экономике.

Более благоприятными представляются возможности использования тарифных рычагов для защиты отраслей, выпускающих капитал- и наукоемкую продукцию потребительского назначения: автомобили, бытовую электронику и электротехнику и т.п.⁹ Здесь мы вновь вынуждены отметить, что отечественные и импортные товары данных групп не являются близкими субститутами ввиду значительных различий в качестве. Однако преодоление этого разрыва невозможно, пока не будет иметь место увеличение спроса на отечественную продукцию. Складывается порочный круг, когда низкое качество обуславливает низкий уровень спроса, а недостаточный спрос лишает возможности осуществить проекты, направленные на повышение качества. Вместе с тем потенциал для такого повышения еще имеется, прежде всего на конверсионных предприятиях военно-промышленного комплекса. Значительные ресурсы повышения качества связаны с включением российских предприятий в международную кооперацию производства, позволяющую получить доступ к специфическим активам зарубежных фирм без предоставления им прав собственности на производственные объекты в России (Кормнов и Кузнецова, 1993). Как представляется, наиболее целесообразно было бы использовать "связанные" соглашения между правительством, предоставляющим защиту от конкуренции со стороны импорта, и отраслевыми объединениями производителей, обязующимися в ответ на это осуществить конкретные инвестиционные и интеграционные проекты, направленные на повышение не только объема выпуска, но и качества продукции.

5. Заключение

Проведенное нами исследование позволяет сделать некоторые выводы относительно использования стратегии тарифной защиты в целях стимулирования отечественного производства. Главный из них заключается в том, что ослабление конкуренции со стороны импорта может быть достигнуто без возникновения тех специфических негативных последствий для состояния макроэкономической системы, ко-

торые ассоциируются с такой политикой в современной теории международной торговли. Использование тарифных барьеров по всему спектру импортируемых товаров с последующим возвращением экономическим субъектам поступлений от пошлин в современных условиях способно - благодаря изменению относительных цен на отечественные и импортные товары для потребителей - ослабить спросовые ограничения в российской промышленности и способствовать реальному оживлению инвестиционной активности. Кроме того, такая стратегия может иметь важный побочный эффект, заключающийся в повышении реальных доходов экономических субъектов.

Концепция единого тарифа представляет собой полезный инструмент анализа общего влияния тарифной политики, однако на практике номинальные ставки тарифа по каждой товарной группе должны устанавливаться в зависимости от пропорций добавленной стоимости, положения дел в конкретной отрасли, государственных приоритетов хозяйственного развития страны и т.д. Особое внимание следует обратить на перераспределительный аспект тарифной структуры: введение пошлин на предметы, удовлетворяющие потребности высокодоходной части населения, и распределение полученных средств в виде трансфертов низкодоходным группам (пенсионерам, работникам бюджетной сферы) повышает общий уровень благосостояния не только в связи с ростом совокупных реальных доходов, но и потому, что предельная полезность данного приращения дохода для лиц с низкими доходами выше, чем предельная отрицательная полезность равного по величине снижения дохода лиц, принадлежащих к высокодоходным группам.

Политика тарифного регулирования может служить важным инструментом повышения качества, и, следовательно, конкурентоспособности отечественной импортозамещающей продукции при условии заключения "связанных" договоров правительства и отраслевых объединений производителей о предоставлении защиты от конкуренции со стороны импорта в обмен на выполнение конкретных проектов по замещению изношенного производственного оборудования, расширению мощностей, развития сотрудничества с зарубежными деловыми партнерами.

Единственным сектором, для которого, как было показано в разделе 5, тарифные барьеры представляют собой неэффективный метод защиты с общеэкономической точки зрения, является производственное машиностроение. Однако это не значит, что оно должно оставаться в относительно неблагоприятном положении по сравнению с прочими отраслями, защищенными тарифом. Отчасти такое положение дел может быть исправлено автоматически, поскольку активизация инвестиционного процесса в импортозамещающих отраслях, выпускающих потребительские блага, означает одновременно увеличение спроса на капитальные блага, предназначенные как для данных отраслей, так и для использования внутри самого машиностроительного сектора (т.е. на продукцию "технологического ядра" машиностроения). Кроме того, государству целесообразно было бы выделять специальные субсидии для поддержки этих отраслей. Для выполнения этой задачи можно было бы использовать часть доходов казны от пошлин на другие группы импортной продукции, что полностью укладывается в схему распределения тарифных поступлений между экономическими субъектами: в качестве получателей субсидий здесь будут фигурировать работники, занятые в соответствующих отраслях, и владельцы задействованных в них средств производства.

Разумеется, эти рекомендации не могут рассматриваться как готовое руководство к действию, прежде всего потому, что в настоящей работе мы игнорировали международные экономико-политические аспекты использования тарифных барьеров. Вместе с тем они могут представлять определенный интерес для выработки стратегии отношений России с системой ГАТТ/ВТО, которая неуклонно придерживается доктрины "свободной торговли".¹⁰ Как мы видели, в случае России преимущества этой доктрины, на которые указывают рассмотренные теоретические модели, отнюдь, не очевидны; более того, у России существует возможность эффективно использовать рычаги регулирования импорта для стимулирования отечественного производства. Поэтому ей, на наш взгляд, не следует торопиться принимать на себя обязательства об отказе от использования импортных ограничений, тем более в условиях низкой экономической конъюнктуры. В настоящих условиях существует потребность в задейство-

вании всех возможных рычагов для преодоления спада, и в той мере, в которой импортные тарифы могут способствовать достижению этой цели, их применение в интересах национальной экономики является оправданным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под оптимальным обложением тарифом понимается установление такой ставки тарифа, при котором имеет место максимизация благосостояния граждан страны. См. классические работы Kaldor, 1940; Johnson, 1954.

² Вопрос о неизменности номинального дохода в условиях фиксированного предложения денег, международной мобильности капитала и гибких валютных курсов подробно рассматривается в классической работе Sohmen, 1969.

³ Эти цифры, впрочем, не учитывают динамики неорганизованной ("челночной") торговли, на которую приходится порядка 20% импорта.

⁴ Помимо всего прочего, уровень экономических и политических рисков в современной России делает абсолютно неправомерным предположение о притоке иностранного капитала даже в том случае, если процентная ставка действительно повысится.

⁵ Как мы помним из раздела 2, прирост сбережений может быть также результатом роста реального дохода, вызванного введением тарифа.

⁶ Под эффективной тарифной ставкой понимается процентный прирост добавленной стоимости на единицу продукции, ставший возможным благодаря используемой тарифной структуре, по сравнению с ситуацией свободной торговли.

⁷ Сохраняющиеся в этой сфере тенденции достаточно безрадостны.

Лишь за 3 месяца 1996 г. безработица в России увеличилась на 600 тыс. человек, т.е. более чем на 10% по сравнению с началом года.

⁸ Без учета "челночных" поставок в совокупном объеме импорта.

⁹ Как и прежде, предполагается, что тарифные поступления в виде субсидий возвращаются экономическим субъектам, компенсируя влияние повышения товарных цен.

¹⁰ Содержательный анализ позиции ГАТТ/ВТО по данному вопросу см. в работе(Власов и Гурова, 1996).

ЛИТЕРАТУРА

Баскаев К. Российский ТЭК остается опорой экономики // Финансовые Известия, 22.03.1996.

Бурлачков В. Будущее страны зависит от прорыва в обрабатывающих отраслях // Финансовые Известия, 8.02.1996.

Власов П. и Гурова Т. Совершенные формы протекционизма // Эксперт, 29.01.1996, с.37-40.

Илларионов А. Российская инфляция остается исключительно денежным феноменом // Финансовые Известия, 26.02.1996.

Кириллов Д. Ориентация на топливо и сырье обрекает экспорт на нестабильность // Финансовые Известия, 18.01.1996.

Кормнов Ю. и Кузнецова Н. Международная кооперация - крупный резерв развития экономики России // Экономист, 1995, №4, с.33-42.

Луценко А. и Радаев В. Сбережения работающего населения: масштабы, функции, мотивы // Вопросы экономики, 1996, №1, с.63-75.

Письменная Е. Несмотря на неудачи, Минэкономики уверено в преодолении кризиса инвестиций // Финансовые Известия, 19.01.1996.

Саава С. Только монетаристские методы финансовой стабилизации не могут обеспечить экономический подъем // Финансовые Известия, 11.07.1995.

Славин-Боровский В. и Федоров Н. Российская экономика с трудом продвигается к рынку // Финансовые Известия, 30.01.1996.

Цухло С. В промышленности улучшаются только прогнозы // Финансовые Известия, 6.2.1996.

Экономический мониторинг России: глобальные тенденции и конъюнктура в отраслях промышленности. М., 1995.

Boyer R. Commercial Policy under Alternative Exchange Rate Regimes // Canadian Journal of Economics, May 1977, v.10, no.2, p.218-232

Brecher R.A. and *Dias-Alejandro C.F.* Tariffs, Foreign Capital and Immiserizing Growth // *Journal of International Economics*, 1977, v.7, p.317-322.

Buffie E. Labor Market Distortions, the Structure of Protection and Direct Foreign Investments // *Journal of Development Economics*, 1987, v.27, no.1, p.149-163.

Chan K. The Employment Effects of Tariffs under a Free Exchange Rate Regime // *Journal of International Economics*, 1978, v.8, p.335-348.

Corden W.M. *The Theory of Protection.* Oxford: Clarendon Press, 1971

Eichengreen B.J. A Dynamic Model of Tariffs, Output and Employment under Flexible Exchange Rates // *Journal of International Economics*, 1981, v.11, p.341-359.

Ford J.L. and Sen S. *Protection, Exchange Rates and the Macroeconomy.* Oxford: Basil Blackswell, 1985.

Grinols E.A. Unemployment and Foreign Capital: The Relative Opportunity Costs of Labor and Welfare // *Economica*, February 1991, v.58, p.107-121.

Harberger A. Currency Depreciation, Income, and the Balance of Payments // *Journal of Political Economy*, February 1950, no.1, p.47-60.

Harris J. and Todaro M. Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis // *American Economic Review*, 1970, v.60, no.1, p.126-142.

Horstmann I. and Markuzen J. Firm-Specific Assets and Gains from Direct Foreign Investment // *Economica*, February 1989, v.56, p.41-48.

Johnson H.G. Optimum Tariffs and Retaliation // *Review of Economic Studies*, Summer 1954, v.21, no.2, p.142-153.

Johnson H.G. The Possibility of Income Losses from Increased Efficiency or Factor Accumulation in the Presence of Tariffs // *Economic Journal*, March 1967, p.151-154.

Kaldor N. A Note on Tariffs and the Terms of Trade // *Economica*, November 1940, v.7, p.377-380.

Khan A.M. Tariffs, Foreign Capital and Immiserizing Growth with Urban Unemployment and Specific Factors of Production // Journal of Development Economics, April 1982, v.10, p.245-256.

Krueger A.O. and Tuncer B. An Empirical Test of the Infant-Industry Argument // American Journal of Economics, December 1982, v.72, p. 1142-1152

Krugman P. The Macroeconomics of Protection with a Floating Exchange Rates. Amsterdam: North-Holland, 1982.

Laursen S. and Metzler L. Flexible Exchange Rates and the Theory of Employment // Review of Economics and Statistics, November 1950, v.32, p.281-299.

Mundell R.A. Flexible Exchange Rates and Employment Policy // Canadian Journal of Economics, 1961, v.27, p.509-516

Obstfeld M. Aggregate Spending and the Terms of Trade: Is There a Laursen-Metzler Effect? // Quarterly Journal of Economics, May 1982, v.97, p.251-270.

Ramaswami V.K. and Srinivasan T.N. Tariff Structure and Resource Allocation in the Presence of Factor Substitution. In: J.N.Bhagwati et al. (eds.). Trade, Balance of Payments and Growth. Amsterdam: North-Holland, 1979, ch.13, p.291-299.

Sohmen E. Flexile Exchange Rate. Chicago; London: University of Chicago Press, 1969.

Svensson L.E.O. and Razin A. The Terms-of-Trade and the Current Account: The Harberger-Laursen-Metzler Effect // Journal of Political Economy, February 1983, v.91, p.97-125.

Tower E. Commercial Policy under Fixed and Flexible Exchange Rates // Quarterly Journal of Economics, August 1973, v.87, p.436-454.